

Образы юродивых в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского

Гурова Елена Павловна

Студентка Пермского государственного университета, Пермь, Россия

Тема юродства в достоевсковедении достаточно разработана. Однако, на наш взгляд, исследователи рассматривают исключительно воспроизведение разных граней юродства и «юродствования» в романах Достоевского, не обращаясь к целостному анализу сущности юродства в художественном мире писателя. Собственно юродивых героев, близких древнерусским образцам, в творчестве Федора Михайловича практически нет, поэтому при анализе образов юродивых мы будем следовать по мере возможности воле автора: «называя кого-то юродивым, писатель иллюстрирует возможность такого именования» [Мотеюнайте: 18].

Образы юродивых в романе «Бесы» глубоко диалектичны: и в культурном (сочетание нескольких традиций), и в композиционном плане (сюжетно-композиционная полисемия). Данная диалектичность является, на наш взгляд, одной из сторон новаторства писателя по отношению к феномену юродства.

Наиболее интересным для анализа представляется образ Марьи Тимофеевны Лебядкиной, многоуровневая структура которого прослеживается прежде всего в прототипах. Так, М.С. Альтман считает, что Марья Тимофеевна – вариант реально существовавшей Марии Ивановны, тоже хромой, взятой из богадельни. Но сходство их ограничивается лишь именем и хромотой. Образ Хромоножки имеет и более сложные, в том числе фольклорные, истоки. В этом плане нам кажется, что точка зрения Ю.М. Лотмана более соответствует художественной идее Достоевского. Исследователь прямо соотносит сюжетную ситуацию брака Хромоножки и Ставрогина с «повестью о бесноватой жене Соломонии» [Лотман: 309–311].

Двуплановость образа Лебядкиной проявляется также в постоянных деталях убранства ее комнаты: свечка в железном подсвечнике, маленькое деревенское зеркальце, старая колода карт, истрепанная книжка какого-то песенника. Эти вещи мирские, свойственные ведуньям гораздо более, нежели юродивой. Знаменательным фактом в фольклорном отношении предстает хромота Марьи Тимофеевны, а также ее болезнь, напоминающая эпилепсию: это может восприниматься как элемент «бесовства». В этом выявляется одна из основных особенностей юродства в художественном мире Достоевского, отчасти отражающая культурную ситуацию: юродивый в народном представлении входит в одну семантическую параллель с дурачеством, шутовством и нечистой силой.

По словам Хромоножки, «Бог и природа есть все одно» [Достоевский X: 116], что отражает языческое мировосприятие. На наш взгляд, в этом образе хорошо прослеживается своеобразное «идолопоклонство»: кумир Лебядкиной – Ставрогин. Наиболее ярко ее отношение к Ставрогину можно увидеть во фразе в гостиниой Варвары Петровны: «А мне можно...сейчас... стать перед вами на колени?» [Там же: 146] Об этом же говорит и выражение ее лица: «вспоминается восторг в ее взгляде, какой-то безумный восторг, почти исказивший ее черты, – восторг, который трудно людьми выносятся» [Там же]. Как жертвоприношение можно расценивать ее полубред, полувоспоминание о том, как она ребеночка своего родила, придела и в пруд снесла. Хотя адресованность этого жертвоприношения остается неясна: кумиру ли своему или Матери сырой земле, которой она поклоняется.

Нельзя не отметить, что образ Марьи Тимофеевны имеет и глубокий христианский смысл. Она, согласно канонам юродства, одинока; для нее характерны всепрощение, сострадание, высокая сила предвидения, обличения. Не случайно и включение мотива паперти: в данном случае это отсылка к христианским канонам юродства.

Необходимо отметить еще одну важную особенность образа – разграничение внутреннего и внешнего плана: в толпе юродивая кажется безумной, странной,

провоцирует скандал; дома же «что-то мечтательное и искреннее светилось в ее тихом, почти радостном взгляде» [Там же: 114].

Немаловажным нововведением Ф.М. Достоевского является и показ «сознания» юродивой: его беспорядочность отсылает к первоначальному хаосу, реализуя культурную прапамять. В какой-то мере это можно считать воплощением близкой Достоевскому идеи обращения к своим истокам.

Подобная двуплановость характерна и для двух других образов юродивых в романе – Семена Яковлевича и Тихона. Семантика карнавального обрамления сцены у Семена Яковлевича так или иначе переводит этот образ на уровень несколько сниженный. Возможность возведения к образу Царя Небесного противоречиво сочетается с демонически-мрачной, карнавальной атмосферой праздника. Не менее противоречивой является фигура старца Тихона. Характерно, что в его образе также прослеживаются черты бесноватого: страдает «по временам какими-то нервными судорогами» [Достоевский XI: 6], что сближает его отчасти с Марьей Тимофеевной. Значим и характер убранства кельи, где «рядом с сочинениями великих святителей и подвижников христианства находились сочинения театральные, “а может быть, еще и хуже”» [Там же: 7]. Знаменательно, что именно в данной сцене раскрывается духовная сущность Ставрогина. Образ Тихона наиболее религиозно ориентирован (можно сказать, что в нем совмещаются черты старца, святого, юродивого и светского человека), в нем реализуется глубинная суть юродства. Характерно, что если для Марьи Тимофеевны свойственна сюжетно-композиционная полисемия, выражающаяся в реминисценциях к ряду определенных преданий и литературных произведений, то в данном случае можно увидеть реминисценции к евангельским текстам (в частности, притча о блудном сыне).

Подводя итоги, мы можем отметить, что образы юродивых Достоевского в романе «Бесы» вполне правомерно назвать полиобразами и в семантическом, и в структурном плане. Они являются воплощением народной, истинной веры.

Литература

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1974. Т. 10, 11.

Лотман Ю.М. Романы Достоевского и русская легенда // Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974. С. 309–311.

Мотейунайте И.В. Восприятие юродства русской литературой XIX–XX веков. Псков, 2006.